

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Линн Келли

«Песня для Кита»

ЛИНН
КЕЛЛИ

ПЕСНЯ
ДЛЯ
КИТА

Москва
2019

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
К34

Lynne Kelly

SONG FOR A WHALE

Song for a Whale © 2019 by Lynne Kelly
Jacket art © 2019 by Leo Nickolls

Келли, Линн.

К34 Песня для кита / Линн Келли ; [перевод с английского Е. Погосян]. — Москва : Эксмо, 2019. — 336 с. — (Книга-событие).

ISBN 978-5-04-103327-9

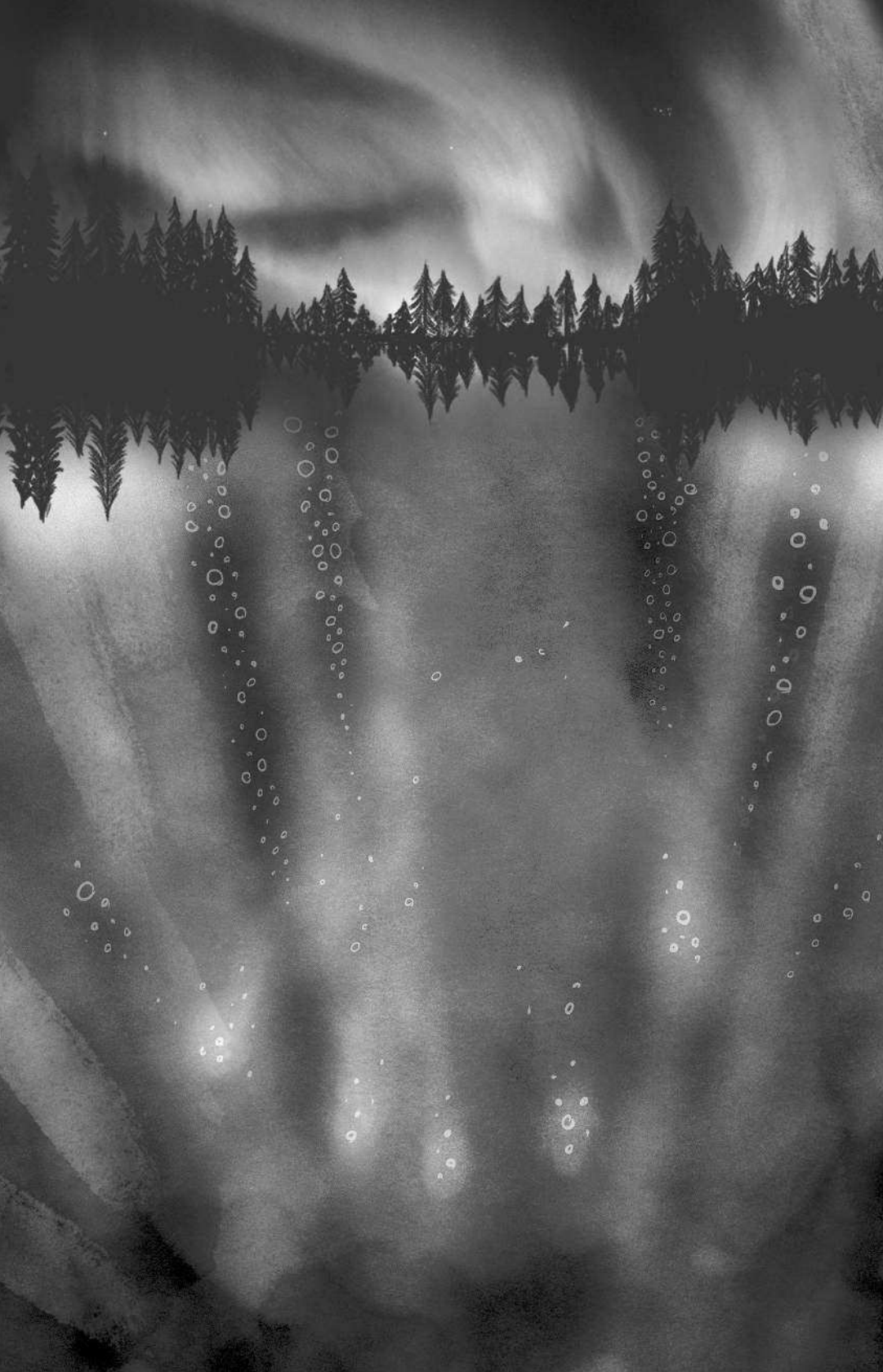
У 12-летней Айрис очень мало друзей. И это понятно: Айрис глухая от рождения, и ей невероятно сложно общаться с окружающими — кто-то попросту не знает язык жестов, кто-то слишком навязчив в желании пообщаться с Айрис, а кого-то она раздражает не всегда «правильным» поведением. Однажды Айрис узнаёт о ките Синий-55, который путешествует всегда один, а его песни, с помощью которых переговариваются киты, никто из них не слышит. Айрис понимает, каково это: плыть в полном одиночестве и быть неуслышанным. И она решает отправиться в путешествие, найти Синего-55 и спеть для него песню!

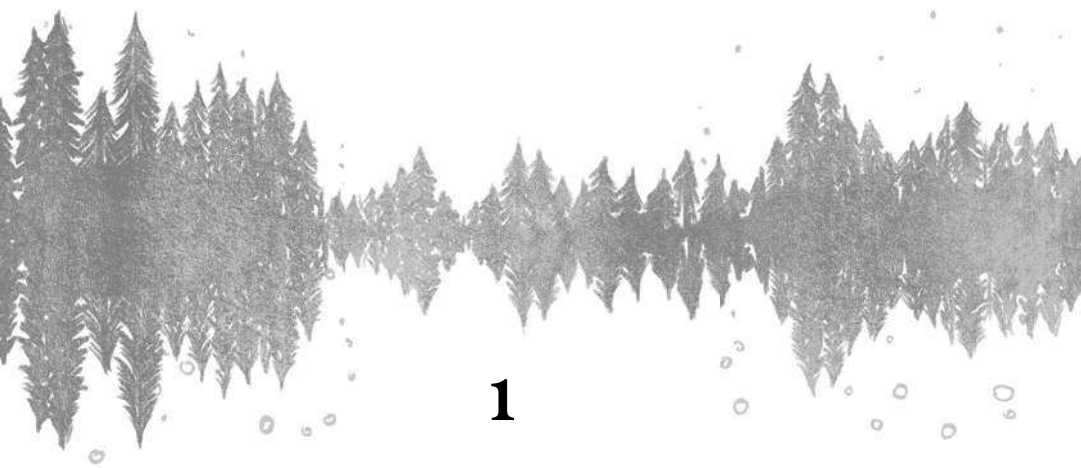
УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Погосян Е., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103327-9

Для всех, кто когда-либо
чувствовал себя одиноким

1

До прошлого лета я думала, что с китом на нашем пляже у меня общее только имя.

Я сидела с дедушкой на песке и разбирала найденные на пляже ракушки, кусочки плавника и дикие цветы с дюн. Ракушки и плавник предназначались для бабушки, а цветы для кита. Дедушка поинтересовался, как дела в школе, и я ответила — как всегда, что значило — не очень хорошо. Я проучилась здесь уже два года, но всё равно чувствовала себя новичком.

Дедушка похлопал по песку рядом с собой.

— Ты знаешь, что она скорее всего тоже была глухой? — спросил он на языке жестов.

Мне не требовалось уточнять, кого он имеет в виду. Самку кита похоронили здесь целых одиннадцать лет назад, и родители много раз рассказывали, как тогда всё было.

Я покачала головой. Нет, я этого не знала, и мне было непонятно, почему дедушка вдруг сменил тему. Может, просто не знал, что ещё можно сказать мне про школу.

Китиха выбросилась на берег в тот день, когда родилась я. Когда её заметили в прибрежных водах, на берегу собралась толпа: все следили, как приближается кит. Бабушка зашла в ледяную февральскую воду и попыталась оттолкнуть её на глубину, как будто и правда могла помешать сорокатонной махине двигаться в выбранном направлении. Это было просто опасно. Даже измученная и ослабевшая, китиха могла прихлопнуть её одним лёгким движением хвоста. Я не могла сказать, что стала бы делать на бабушкином месте — тоже полезла бы в воду или просто стояла и смотрела.

— Но она не была глухой от рождения, как мы с тобой, — продолжил дедушка. — Учёные потом обследовали её и сказали, что это случилось позже. Может, она оказалась вблизи от места взрыва нефтяного танкера или полигона, где испытывали бомбы.

Когда дедушка рассказывал историю, он жестикулировал, как поэт. Его руки повествовали мне о том, как кит движется в толще воды, и внезапно застывает, и ходит кругами, снова и снова, как будто пытается вернуть звуки. Может, потому она и выбросилась на берег, предпочтя его океанским глубинам, где ей полагалось находиться. Ивасёвые полосатики, или сейв́алы, вообще не заплывают в Мексиканский залив. Только она, только однажды.

— Но для неё это было не так, как для нас, — продолжал дедушка. — Киты не могут плыть, не прокладывая путь звуком. Океанские воды темны, они покрывают большую часть поверхности земного шара, и киты обитают в этом пространстве. Они ориентируются с помощью звука и разговаривают друг с другом на больших расстояниях.

Лишившись привычных звуков океана, китиха потерялась во внезапно онемевшем мире. На пляж прибыла группа спасателей, которые попытались ей помочь, и её назвали Айрис. А бабушка уговорила моих родителей дать мне такое же имя, раз я пришла в этот мир в тот же день, когда китиха из него ушла.

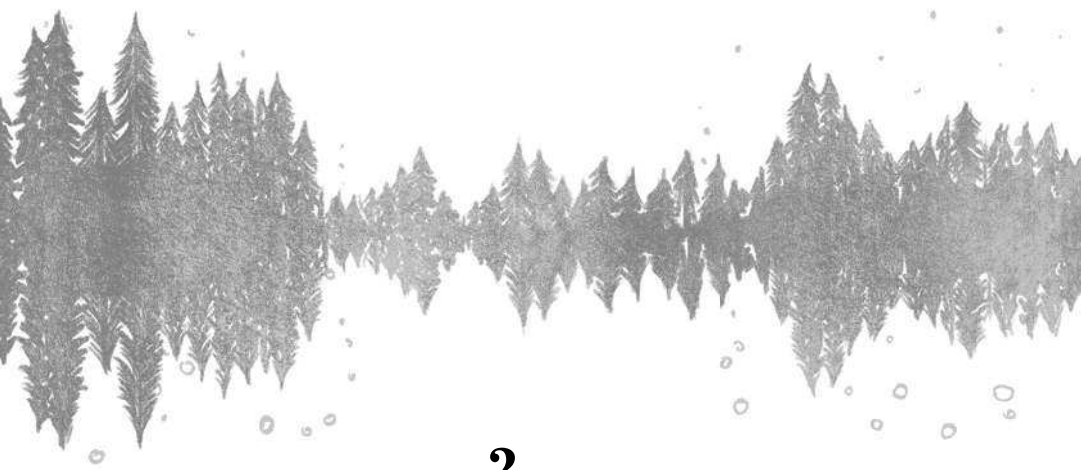
После того как морские биологи закончили свою работу, самку кита похоронили прямо

тут же, на пляже — заодно с тайной её появления на берегу.

Мы жили здесь до того, как я закончила второй класс, когда наша семья переехала в Хьюстон — там у папы была новая работа. С тех пор мы приезжали на пляж пару раз летом. Хорошая новость состояла в том, что новый дом оказался ближе к дедушке с бабушкой. Я одна страдала глухотой в нашем семействе и теперь могла проводить больше времени с ними. Но всем нам не хватало нашего пляжа, а мне не хватало рядом таких же детей, как я. Хотя в моей старой школе было всего несколько глухих ребят, этого уже было довольно. Мы учились вместе и поддерживали друг друга.

— Вокруг нас, — показал дедушка, — целое море света, и всё, что нам надо, — найти то место, где ты почувствуешь себя дома. Иногда на это требуется время. Но ты с этим справишься. Ты найдёшь свой путь.

Жаль, что я сразу не спросила его, сколько времени на это потребуется.

2

Я пришла к выводу, что опправлять меня в кабинет директора — единственная радость в жизни мисс Конн. Но даже отдавая себе отчёт, что на мне лежит ответственность за её счастье, я попыталась пробраться в класс незамеченной. Я опоздала всего-то на минуту, причём по серьёзной причине.

Но не успела я сесть за парту, как мне указали на дверь.

Когда я вернулась в класс в сопровождении сурдопереводчика мистера Чарльза, мисс Конн обратилась к нему:

— Скажите Айрис, чтобы она пересела к Нине, и Нина будет ей помогать.

Она всегда говорила так, будто меня здесь нет. Мистеру Чарльзу надоело повторять, что нужно говорить прямо со мной, а он переведёт, а не начинать «Скажите Айрис...». Наконец он сдался и больше не напоминал об этом. До неё всё равно не дойдёт.

И я не нуждалась в чьей-то помощи, и уж тем более от Нины.

— Я сама себе помогу, — показала я.

Когда мистер Чарльз озвучил это для мисс Конн, физиономия у неё сделалась ещё более кислой, чем обычно, — хотя до сих пор я считала такое невозможным. Она не снизошла до дальнейших объяснений и просто выставила указующий перст в сторону Нининой парты.

Этот план был вполне в духе мисс Конн, считавшей Нину лучшей в классе, а Нина при этом думала, что владеет языком жестов. Она сунула нос в какую-то книжку в библиотеке и теперь мнила себя экспертом. Некоторые люди настолько уверены в себе, что всерьёз считают себя безупречными.

Пока я перебиралась из-за своей парты на её территорию, Нина что-то просигналила мне.

Я спросила у мистера Чарльза:

— Она назвала себя гигантской белкой?

Ему пришлось стиснуть губы и посмотреть в сторону, прежде чем он смог ответить:

— По-моему, она имела в виду «хороший партнёр».

Я и сама поняла, но смешить мистера Чарльза было моим любимым занятием.

Я перегнулась через ряд и заглянула в книгу Клариссы Голд. Мистер Чарльз перевёл мой вопрос, когда я поинтересовалась у Клариссы, что они изучают. Нина попыталась влезть со своим неуклюжим языком жестов. И когда я не обратила на неё внимания, буквально притиснулась к моему лицу. Словно я её не видела. Однако я не сводила глаз с мистера Чарльза — он знал, что делает. Нина продолжала размахивать у меня под носом руками, как будто передо мной кружили надоедливые насекомые, от которых мне не терпелось отделаться, и я не без удовольствия шлёпнула её по запястью, показав «Стоп!». Мистер Чарльз вмешался и добавил, что это может отвлекать, когда двое пытаются объясняться жестами одновременно. Обычно он старался не встречать, потому что хотел, чтобы я сама научилась справляться, но, видимо, Нина достала и его тоже.

Не прошло и пяти минут, как мисс Конн спросила у Нины:

— Тебе удаётся помогать Айрис?

— Да, по-моему, она уже понимает, — заявила Нина.

Понимает. Я старательно уткнулась носом в тетрадку, чтобы не превратиться в персонажа комикса, у которого из ушей валит дым. Торопливо записав последний ответ, я шумно захлопнула тетрадь и показала «Готово».

Я хотела достать мобильник, чтобы прочесть новости в интернет-журнале «Антиква Радио Мэгэзин», загруженного сегодня утром. Если разложить на парте раскрытую книгу, то, наверное, можно будет читать с экрана, спрятав телефон на коленях. Но не успела я сунуть руку в сумку, как мисс Конн что-то сказала мне и показала на свой рот. Она постоянно так делала, как будто это каким-то чудом позволило бы мне её понять. Однажды за ужином я сказала родителям:

— Эй, а я больше не глухая. Мисс Конн показывает на свои губы, когда разговаривает со мной, и я всё понимаю. Удивительно, как вы до этого не додумались.

Когда я только пришла в эту школу, она попыталась удержать руки мистера Чарльза, чтобы я старалась читать по её губам. Я не поняла, что ответил ей мистер Чарльз, но она отдернулась так, словно прикоснулась к раскалённому утюгу, и больше не пыталась его останавливать.

Мы просто не обращали внимания на её попытки, и мистер Чарльз продолжил переводить, что говорит мисс Конн: я должна снова написать сочинение по выбранному мной стихотворению. Это было глупо. Я выбрала хороший стих и написала хорошее сочинение.

Когда мисс Конн вернулась с моей тетрадкой, у неё был такой вид, будто она разжевала кислую сливу. Вообще-то ничего необычного, только в следующую секунду к этому прибавилась ещё и брезгливая гримаса, как от ужасной вони.

Мисс Конн протянула мне тетрадь, и первое, что бросилось в глаза, были красные чернила. Через всю страницу шла алая надпись:

«Это не стихи!»

И это было неправдой. Я взяла эти стихи из игры для запоминания языка жестов, которую разучивал со мной дедушка: один начинал рассказ, а другой продолжал, по одному жесту за ход. Задача состояла в том, чтобы наши руки держали одну и ту же форму на протяжении всей истории. Например, если мы начинали со сжатого кулака, то и остальная часть истории тоже должна была показывать кулак. И так мы делали шаг за шагом до тех